

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ, Л. ВИТГЕНШТЕЙН И ЭТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА»*

Суровцев Валерий Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН.
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
Профессор.
Томский государственный университет.
Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 25;
e-mail: surovcev1964@mail.ru

Рассматривается проблема взаимовлияния Л. Витгенштейна и логического позитивизма. Доказывается, что такого влияния не только не было, но и не могло быть в силу различия задач, которые ставятся Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», и целей, которые являются основными для представителей Венского кружка. Но различие задач и целей не умаляет содержания философии раннего Витгенштейна, которое нельзя трактовать с точки зрения построения унифицированной науки. Проблематичным представляется и этическое содержание «Трактата», который не содержит никакого позитивного содержания, важного для социальных наук.

Ключевые слова: логический позитивизм, унифицированная наука, Венский кружок, Витгенштейн, Логико-философский трактат, социальные науки

LOGICAL POSITIVISM, WITTGENSTEIN AND ETHICAL VALUE OF THE *TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS*

Valeriy A. Surovtsev – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow.
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation.
Professor.
Tomsk State University.
25 Lenina Av., Tomsk 634050, Russian Federation.
e-mail: surovcev1964@mail.ru

The problem of interconnection of L. Wittgenstein and logical positivism is considered. It is proved that mutual influence did not exist and could not exist due to dissimilarities between the tasks proposed in the “Tractatus Logico-Philosophicus” and the goals that are basic for the representatives of the Vienna Circle. But the difference between the tasks and the goals does not diminish the value of the philosophy of early Wittgenstein, if even his philosophy cannot be interpreted from the point of view of the Unified Science. But the ethical value of the “Tractatus” is problematic too. It does not contain any positive decisions for the humanities.

Keywords: logical positivism, Unified Science, Vienna Circle, Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, humanities

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10082.

Количество интерпретаций «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, сто лет со дня издания которого приходится на этот год, уже уходит в необозримость. Сто лет – достаточный срок для всевозможных оценок. Речь здесь идет, конечно, не об экзегетике по типу толкования древних философских текстов, от которых остались только отрывки, хотя и об экзегетике, в силу стиля, которым написан «Трактат», тоже не стоит забывать. Пожалуй, ни одно из философских произведений двадцатого века не было разобрано столь тщательно и в мельчайших подробностях, поскольку удобно разбирать то, что написано в афористичном стиле. Труднее дело обстоит с его общей оценкой. И связано это, как представляется, вот с чем. Каждый отдельный главный афоризм «Трактата» в совокупности с поясняющими его подразделами кажется понятным, но в то же самое время совершенно непонятным остается то, каким образом главные афоризмы связаны друг с другом. Переход от афоризма за номером 1 «Мир есть все то, что имеет место» к последнему афоризму за номером 7 «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» редко кажется образцом демонстративного доказательства, а сопутствующие разъяснения скорее не объясняют, но еще более затемняют этот переход, поскольку касаются совсем уж разных тем от общих метафизических проблем, философских проблем логики и математики, философии естественных наук и т.д. вплоть до религиозной веры и проблем этики [Витгенштейн, 2017]. Если относительно трактовок отдельных замечаний «Трактата» можно замечательно говорить и, в целом, приходиться к более или менее успешным решениям, то вопрос о том, в чем все-таки общий смысл этой работы, не только остается нерешенным, но вызывает прямо-таки ожесточенные споры в спектре от восхищения до полного неприятия.

В своей статье «Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм» А.Л. Никифоров, например, говорит, что «эту бессмыслицу продолжают пережевывать и комментировать», хотя, как он пишет далее, «его [Трактата] философское содержание ничтожно» [Никифоров, 2021, с. XX]. И действительно продолжают. Вот только возникают вопросы, почему бессмыслица и почему продолжают? Насколько я могу судить по тексту статьи А.Л. Никифорова, его основной тезис, следствием которого являются приведенные выше цитаты, заключается в том, что «вряд ли можно говорить о том, что “Трактат” оказал какое-то влияние на рождение и развитие позитивизма». Но, как продолжает А.Л. Никифоров, «тем не менее “Трактат” до сих пор привлекает к себе внимание, его переводят и комментируют». Ну и зачем же его переводить и комментировать, ведь он не оказал никакого воздействия на логический позитивизм вообще, ни на представителей Венского кружка в частности? Следовательно, что здесь можно обсуждать? Основной тезис и вывод статьи А.Л. Никифорова заключаются, собственно, в следующем: «Трактат» не оказал никакого

влияния на логический позитивизм, и поэтому его содержание ничтожно. Этот тезис привлекается для того, чтобы оспорить мнение некоторых авторов, считающих, что Витгенштейн является одним из основоположников логического позитивизма, поскольку оказал некоторое воздействие на членов Венского кружка. Надо сказать, что А.Л. Никифоров в своих доводах убедителен. С тем, что Л. Витгенштейн не оказал никакого влияния на возникновение и развитие логического позитивизма, нельзя не согласиться. Однако можно ли согласиться с выводом?

Впрочем, с тем, что идеи «Трактата» не имеют ничего общего с деятельностью Венского кружка, с А.Л. Никифоровым согласны многие исследователи. Среди них, например, наиболее известные биографы Витгенштейна, посвятившие немало страниц этому вопросу, Р. Монк [Монк, 2018] и Д. Пэрс [Pears, 1987]. Значительную часть своего увесистого труда этому вопросу уделяет и А. Коффа [Коффа, 2019], который также считает, что влияние «Трактата» на Венский кружок было совсем незначительным. Но вытекает ли из этого, что его содержание ничтожно? *Non consequetur*. Очень многие современники Венского кружка не оказали на него никакого влияния. Венский кружок в определенных отношениях с его преклонением перед научным знанием можно считать воплощением здравого смысла. Но в Австрии и Германии (а А.Л. Никифоров справедливо указывает на то, что Венский кружок не был исключением, а было, например, и Берлинское общество эмпирической философии) в то же самое время была популярна и почвенническая философия, вспомним М. Хайдегера, и феноменология Э. Гуссерля, и неокантианство в лице Э. Кассирера. Они также не оказали на Венский кружок никакого влияния. А даже если и оказали, то скорее в отрицательном плане. Вспомним хотя бы статью Р. Карнапа о философии М. Хайдегера [Карнап, 1998]. Можно ли на этом основании считать содержание их трудов ничтожным?

Являются ли афоризмы «Трактата» туманными и расплывчатыми? Некоторые, наверное, да. Но разве менее туманны и расплывчатые писания других авторов? Степень понимания философского текста всегда несколько проблематична. А.Л. Никифоров считает, что если выражаться ясно, чего, по его мнению, нет у Витгенштейна, тогда можно критиковать и развивать, а именно благодаря этому живет философия. В противном случае все вырождается в схоластическую болтовню. Но так ли это? Таковой не считают экзегезу работ Гуссерля или Хайдегера их поклонники. Бессмысленность философских фраз, о которой говорит Витгенштейн, отнюдь не свидетельствует о том, что само по себе бессмысленно прочтение афоризмов «Трактата». Его заключительный вывод связан как раз с тем, «что, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать,

отбросить лестницу, после того как взберется на ней наверх)» [Витгенштейн, 2017, 6.54]. Но для того, чтобы отбросить, нужно вначале взобраться. Экзегетическая ценность работ Витгенштейна в этом отношении имеет ничуть не меньшее значения, нежели экзегетика взглядов экзистенциалистов или структуралистов. Недаром тема сравнения их философий вполне респектабельна как в среде англоязычных (упомянем только Р. Рорти [Рорти, 1997]), так и в среде континентальных философов (к примеру, П. Рикёр [Рикёр, 2006]). Но дело даже не в этом.

Вопрос о характере влияния философии «Трактата» на логический позитивизм связан с проблемой о том, а стояла ли перед первой и второй хоть в какой-то степени сходная задача. А.Л. Никифоров, конечно, прав, что Венский кружок прежде всего ставил перед собой цель анализа языка науки, выраженную ими в своем известном манифесте. Действительно, отталкиваясь от описания эмпирических данных в так называемых протокольных предложениях и используя язык логики и математики как своего рода вычислительные процедуры, позволяющие переходить от протокольных предложений к теоретическим обобщениям, они стремились построить систему унифицированного и верифицируемого описания мира, который результируется в идее единой науки. Но стояла ли такая задача перед Витгенштейном? Очевидно, что анализ, о котором он говорит, отнюдь не относится к языку науки. Его интересует, как функционирует язык вообще, какую бы конкретную форму он ни принимал, будь то обыденный или искусственный язык, нотная запись или последовательность рисованных изображений, соотносящихся с последовательностью вещей, которые они отображают. Основная идея «Трактата» – принцип изоморфизма языка и действительности, реализованный в изобразительной теории [Суровцев, 2001]. Но эта цель крайне далека от цели понимания того, как работает язык науки. Эта цель связана именно с попыткой понять, где располагаются границы выразимости, где находится предел, за которым любая попытка нечто сказать становится бессмысленной. И решения, предлагаемые в «Трактате», последовательно направлены на то, чтобы все возможные различия идиолектов, связанных с различными областями знания, объяснить с единой точки зрения.

Результат работы Л. Витгенштейна никак не связан с тем, каким образом он мог бы повлиять на Венский кружок. Более того, представляется, что он и не собирался оказывать никакого влияния, отчетливо осознавая разницу между своей задачей и целями, которые стояли перед Венским кружком. С этим, судя по всему, и связано экстравагантное поведение Витгенштейна на встречах с его участниками. К этому же разряду относится и его конфликт с Р. Карнапом, которого он обвинил в плагиате некоторых своих идей. Ведь как бы то ни было, а ранняя книга Р. Карнапа «Логическое строение мира» еще

далеко отстоит от целей построения унифицированной науки, но скорее по характеру постановки задач напоминает центральную часть «Трактата».

На основании своих стенографических заметок Ф. Вайсман подготовил своего рода отчет [Waismann, 1967] о встречах Л. Витгенштейна и Венского кружка, из которого ясно видно, что интересы и взгляды первого и представителей второго мало сказать расходятся, они почти ничего не имеют общего. Стоит также отметить, что и сами эти встречи проходили через десятилетие после написания «Трактата», а взгляды Витгенштейна к этому времени уже очень существенно изменились, о чем, в частности, подробно пишет А. Коффа [Коффа, 2019]. Так что вряд ли вообще можно говорить, что идеи «Трактата» посредством прямого общения с его автором могли повлиять на членов Венского кружка. Представляется, что они и сами это прекрасно понимали, поскольку в их работах редко можно встретить хоть какое-то упоминание как о «Трактате» вообще, так и о Витгенштейне в частности. Во всяком случае, если члены Венского кружка думали, что при личных встречах Витгенштейн разъяснит им темные места «Трактата», то они явно заблуждались, а после знакомства, видимо, не испытывали по этому поводу и никакого энтузиазма.

С точки зрения А.Л. Никифорова, выглядит также странным и то, что к его глубокому сожалению в современной философии США логический позитивизм с его своеобразными методологическими идеями практически совершенно не востребован, хотя туда накануне Второй мировой войны эмигрировали его главные представители и заняли основные позиции на кафедрах философии ведущих американских университетов. Восприняты в США в основном идеи позднего Витгенштейна, а отсюда, опосредованно, в современной англоязычной философии культивируется интерес к его ранним работам, в частности к «Трактату». Странным, на наш взгляд, выглядит скорее другое. А почему, собственно, не стали востребованы? Ведь с идеями позднего Витгенштейна американское философское сообщество ознакомилось гораздо позднее, когда в конце сороковых – начале пятидесятих годов на американский континент стали возвращаться проходившие стажировку в Кембридже его ученики, например Н. Малькольм.

Единственным представителем Венского кружка, на которого непосредственное влияние оказал Витгенштейн (да и то не ранний, а поздний), был, по-видимому, Ф. Вайсман, развивавший крайне продуктивную для понимания различных социальных наук идею открытой текстуры [Вайсман, 2018; Оглезнев, Суровцев, 2018]. О том, что Витгенштейн, кстати, хорошо осознавал невозможность своего диалога с логическим позитивизмом, свидетельствует и тот простой факт, что ни в его многочисленных рукописях, ни в записях, сделанных слушателями его лекций, нет никаких упоминаний ни о представителях

Венского кружка, ни о характере разрабатываемых ими идей, ни о применяемых ими методах.

Второй тезис А.Л. Никифорова носит более общий характер. Он утверждает, что содержание «Трактата» ничтожно, поскольку оно ничего не вносит в логику, основания математики и методологию науки. В ответ на это утверждение лучше всего задать вопрос: а собирался ли он что-то в эти области вносить? Что касается методологии науки, то, очевидно, нет. Витгенштейна нисколько не интересуют вопросы о методах научного исследования. Скорее, его интересовали вопросы об особенностях языка науки, связанные с характером функционирования таких выражений, как «закон», «вероятность», «необходимость», и причем не только в языке науки, но и в языке вообще. В этом отношении его трудно упрекнуть в том, что в области методологии он ничего не сделал. Собственно говоря, здесь он ничего и не собирался делать.

Сложнее дело обстоит с логикой и основаниями математики. Все-таки работа Витгенштейна называется «Логико-философский трактат», а ее значительная часть посвящена прояснению характера логики и математики. Но вряд ли ее стоит понимать в том смысле, в котором “Principia Mathematica” А.Н. Уайтхеда и Б. Рассела или “Grundgesetze der Arithmetik” Г. Фреге рассматриваются как попытка построить фундамент математики на очевидных основаниях формальной логики. Витгенштейн нигде не говорит, что он стремится достичь такой цели. Здесь он отнюдь не выступает как математический логик или специалист в основаниях математики. Его задача заключается скорее в прояснение того, что представляют собой предложения логики и математики. И здесь сравнивать достижения Витгенштейна с результатами других исследований в области математической логики как минимум некорректно, поскольку в отличие от Б. Рассела, например, он совсем не собирался строить основания математики. Его достижением в «Трактате» является оригинальная концепция философии логики, основным положением которой является тезис: «Логика должна заботиться о себе сама» [Витгенштейн, 2015, с. 30]. Следствием этой концепции явилось оригинальное представление о предложениях логики как тавтологиях, которые ничего не говорят, но нечто показывают о мире, ставя границы употреблению языка и образуя строительные леса мира. Можно ли в этом увидеть логическое достижение – не знаю, но это определенно имеет именно логико-философский смысл. На оригинальную трактовку понятия тавтологии указывал, кстати, и Б. Рассел, говорившей о том, что он не вполне понимал характер предложений логики, пока на это ему не указал Л. Витгенштейн [Рассел, 2007, с. 219].

Впрочем, что касается собственно логики и оснований математики в «Трактате», то здесь Витгенштейну также нельзя отказать в некоторых достижениях. Во-первых, он с помощью таблиц истинности

разработал четкий семантический критерий того, что считать тавтологией, а что – нет. Во-вторых, он ввел различие между функциями истинности и операциями истинности, что позволило развести значение выражения и разные формы его записи. В-третьих, он ввел общую форму построения всех возможных предложений, которая позволяет единообразно трактовать логические связи простых предложений и кванторы. Не все эти достижения получили в последующем должное развитие. Но во всяком случае они в значительной степени послужили источником, например, довольно успешной модификации программы логицизма в форме “Principia Mathematica”, принятой Ф.П. Рамсеем [Рамсей, 2011]. Используя уточненное Витгенштейном понятие тавтологии, Ф.П. Рамсею удалось, в частности, освободить построения Б. Рассела в области оснований математики от некоторых спорных утверждений типа аксиомы сводимости и аксиомы бесконечности, а также четко отличить семантические парадоксы от теоретико-множественных и построить собственную теорию типов [Суровцев, 2012]. И это входит в арсенал современной математической логики. Хотелось бы указать еще на один важный момент «Трактата», который не получил должного развития. Этот момент связан с модификацией определения понятия числа, которое рассматривается Л. Витгенштейном как показатель степени применения логической операции. Своевременное внимание к этой идее вполне могло бы оказать существенное влияние на изменения программы логицизма в области оснований математики и, вместе с тем, на другие аналогичные программы.

Интерпретаций «Трактата» действительно очень много, но, хотя и довольно условно, все их можно разделить на две группы. Первые, в стиле статьи А.Л. Никифорова, пытаются выделить и оценить сциентистскую составляющую этой работы. Вторые делают акцент на ее этический аспект, ссылаясь на собственную оценку Л. Витгенштейном своей цели в письмах к П. Энгельману и Л. Фиккеру. Второй подход достаточно обоснован, если учесть многие замечания Л. Витгенштейна в «Дневниках 1914–1918 г.» [Витгенштейн, 2015], содержание которых, по существу, явилось подготовительными материалами к «Трактату». Эта позиция в общем виде выражена в статье К.А. Родина «Этическое прочтение “Логико-философского трактата” Витгенштейна» [Родин, 2021].

К.А. Родин вслед за многими другими интерпретаторами считает, что основное содержание данной работы этическое, а все остальные содержащиеся в нем проблемы и их решения по отношению к главной этической теме являются просто пропедевтическими. Нисколько не оспаривая тезис К.А. Родина, что «Трактат» имеет «скорее этическое измерение», хочется поставить вопрос, а имеет ли он хоть какое-то значение для этики? Ну хоть какое-то? Решает ли он вопросы о предпочтительности одной этической теории перед другой,

решает ли он вопросы о природе ценностей, решает ли он вопросы о соотношении морали и других форм социальной организации, например, права? Если вслед за И. Кантом считать, что практический разум основан на морали, а любая социальная философия есть в некотором отношении следствием этики, то скорее следует сказать, что «Трактат» не имеет смысла, поскольку не дает никаких позитивных решений проблем в данной области, так как всякое решение проблемы замечается просто по ее исчезновению. С точки зрения Л. Витгенштейна, решить проблемы этики, а, как следствие, всякого практического действия, заключается в том, что надлежащим анализом языка можно продемонстрировать, что обсуждение подобных проблем бессмысленно уже просто потому, что они превосходят выразительные возможности языка.

В этом отношении и первая часть «Трактата», в которой решаются проблемы какого угодно возможного языка, где с помощью надлежащего понимания логики ставятся границы выразимого, так и его заключительные части, где акцентируется внимание на том, о чем должно молчать, представляют собой только лишь две стороны одной медали. «Трактат» не дает никаких решений проблем этики, он их просто отмечает, а вместе с этим и любую социальную теорию. Как ни странно, но содержание «Трактата» действительно ничтожно и в этическом смысле. Но не в том смысле, в котором о его ничтожности в своей статье говорит А.Л. Никифоров. Ничтожность содержания в данном случае указывает на то, что он бесполезен для решения хоть какой-то проблемы, могущей возникнуть в рамках социальной теории.

Этическое содержание «Трактата» в этом смысле действительно ничтожно. Тем не менее К.А. Родин пытается обосновать свою позицию тем, что этический смысл «Трактата» имеет не философское, а метафилософское измерение, поскольку задача заключается не в том, чтобы решить этические проблемы, а показать, что они не решаются в принципе. А значит, главная цель здесь заключается в том, чтобы показать, за решение каких вопросов философия может приниматься, а за решение каких нет. А это как раз и есть метафилософский вопрос о том, чем может и должна быть философия. Такой подход к «Трактату» кажется вполне приемлемым, как и множество других. Вот только возникает одно возражение: в самом «Трактате» на подобную задачу никакого указания нет. Проинтерпретировать этическую цель «Трактата» на самом деле как метафилософскую – интересное предприятие, и оно дает оригинальную трактовку. Вот только возникает одно сомнение. Метафилософское содержание «Трактата», согласно установкам Л. Витгенштейна, не может быть высказано.

Список литературы

Вайсман, 2018 – *Вайсман Ф.* Многоуровневая структура языка (перевод В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева) // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 219–230.

Витгенштейн, 2015 – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 / Пер. с нем. В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+», 2015. С. 29–149.

Витгенштейн, 2017 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: «Канон+», 2017. 288 с.

Карнап, 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка (перевод А.В. Кезина) // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–90.

Коффа 2019 – *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2019. 526 с.

Монк 2018 – *Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Пер. с англ. А. Васильевой. науч. ред. и примеч. В. Анашвили. М.: Издательский дом «Дело», 2018. 624 с.

Никифоров, 2021 – *Никифоров А.Л.* Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 22–30.

Оглезнев, Суровцев, 2018 – *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 206–218.

Рассел, 2007 – *Рассел Б.* Введение в математическую философию / Пер. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. универ. изд-во, 2007. 263 с.

Рамсей, 2012 – *Рамсей Ф.П.* Основания математики // *Рамсей Ф.П.* Философские работы / Пер. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2011. 367 с.

Рикёр, 2006 – *Рикёр П.* Гуссерль и Витгенштейн о языке / Пер. В.А. Суровцева // Логика, онтология, язык. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 184–192.

Родин, 2021 – *Родин К.А.* Этическое прочтение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 31–39.

Рорти, 1997 – *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Пер. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 1997. 320 с.

Суровцев, 2001 – *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: ТГУ, 2001. 308 с.

Суровцев, 2012 – *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 258 с.

Pears, 1987 – *Pears D.* The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy', vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1987. 216 pp.

Waismann, 1967 – Ludwig Wittgenstein Und Der Wiener Kreis: Shorthand Notes Recorded by F. Waismann / Ed. by B.F. McGuinness. Oxford: Blackwell Publishers, 1967. 265 pp.

References

Carnap, R.; A.V. Kezin (trans.) “Preodoleniye metafiziki logicheskim analizom yazyka” [Overcoming Metaphysics Through Logical Analysis of Language], in: *Analitycheskaya filosofiya: stanovleniye i razvitiye. Antologiya*. Moscow: Progress-Traditsiya, 1998, pp. 69–90. (In Russian)

Coffa, A.; V. Tselishchev (trans.) *Semanticheskaja traditsija ot Kanta do Carnapa* [The Semantic Tradition from Kant to Carnap]. Moscow: Kanon+, 2019, 526 pp. (In Russian)

McGuinness, B.F. (ed.). *Ludwig Wittgenstein Und Der Wiener Kreis: Shorthand Notes Recorded by F. Waismann*. Oxford: Blackwell Publishers, 1967, 265 pp.

Monk R.; A. Vasilyeva (trans.) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. Duty of Genius]. Moscow: Delo, 2018, 624 pp. (In Russian)

Nikiforov, A.L. “Lyudvig Vitgenshteyn i logicheskii pozitivizm” [Ludwig Wittgenstein and Logical Positivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 22–30. (In Russian)

Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. “Fridrich Waisman o mnogourovnevnoy strukture yazyka i problemakh reduksionizma” [Fridrich Waismann on the Many-Level-Structure of Language and the Problems of Reductionism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 206–218. (In Russian)

Pears, D. *The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy*, vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1987, 216 pp.

Ramsey, F.P. “Osnovaniya matematiki” [Foundation of Mathematics], in: Ramsey, F.P.; V.A. Surovtsev (trans.) *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Moscow: Kanon+, 2011, 367 pp. (In Russian)

Ricoeur, P.; V.A. Surovtsev (trans.) “Gusserl i Vitgenshteyn o yazyke” [Husserl and Wittgenstein on Language], in: *Logika. ontologiya. yazyk*. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2006, pp. 184–192. (In Russian)

Rodin, K.A. “Eticheskoe prochtenie ‘Logiko-filosofskogo traktata’ L. Vitgenshteyna” [Ethical Reading of Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus*], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 31–39. (In Russian)

Rorti, R.; V. Tselishchev (trans.) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. Un-ta, 1997, 320 pp. (In Russian)

Russell, B.; V. Tselishchev & V. Surovtsev (trans.) *Vvedeniye v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Novosibirsk: Sib. univer. izd-vo, 2007, 263 pp. (In Russian)

Surovtsev, V.A. *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [Autonomy of Logic: Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, 308 pp. (In Russian)

Surovtsev, V.A. *F.P. Ramsey i programma logitsizma* [F.P. Ramsey and the Program of Logicism]. Tomsk: izd-vo Tom. Un-ta, 2012, 258 pp. (In Russian)

Waismann, F.; V. Ogleznev & V. Surovtsev (trans.) “Mnogourovnevnyaya struktura yazyka” [The Many-Level-Structure of Language], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 219–230. (In Russian)

Wittgenstein, L.; I. Dobronravov & D. Lakhuti (trans.) *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Kanon+, 2017, 288 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L.; V. Surovtsev (trans.) *Dnevniky 1914–1916* [Tagebücher 1914–1916], in: *Ludwig Wittgenstein*. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 29–149. (In Russian)